

На следующее утро, после вкусного завтрака в гостинице, снова пошли к Санта-Кларе, чтобы осмотреть ее изнутри. Кроме того, что уже было описано в предыдущей части, мы увидели в крипте, устроенной в 19 в., одежду – простые мешковинные рубища, в которых ходили Франциск и Клара. Разумеется, после «Баудолино», невозможно всерьез относиться к средневековым реликвиям. И все же, даже если они не подлинные, а только похожие на те, в которых они ходили, это позволяет лучше представить себе этих людей.

Франциск – бунтарь-одиночка, проповедовавший свое учение во многих странах, по которым скитался, и увлекший толпы последователей. В основе учения – отказ от богатства и стремления к его накоплению, жизнь в рубище, позволяющая довольствоваться минимальной пищей и кровлей, в гармонии с природой, в общем, уподобление животным, в качестве духовной компенсации – сознание подражания жизни Иисуса. Все это кажется диким не только нам сегодняшним, но и тогдашним иерархам официальной Церкви. Но если посмотреть на исторический контекст, приведший его к этой внутренней революции, возникают вопросы. Бесконечные войны, конфликты, толпы нищих калек, не имеющих пропитания, грязь, насилие, неимоверная жестокость человека к человеку... А ведь он смолоду, принадлежа к «золотой молодежи» и ведя праздную веселую жизнь, не мог равнодушно смотреть на нищих и раздавал все, что имел. Воевал, побывал в плену, отправился в крестовый поход – и вернулся: не смог участвовать в насилии и издевательствах. Прекратить все это волевым усилием он не мог – а кто мог? Любая борьба с существующими порядками – источник нового насилия, против которого он восстал. Понимал, что разорвать порочный круг можно только тогда, когда исчезнет мотив – стремление к богатству и власти. И придумал для себя единственный достойный выход – постараться убедить людей в преимуществе простой жизни без всякой роскоши, довольствуясь малым, тем, что можно произвести или заработать самостоятельно. Тогда все будут свободны и счастливы, надо только объяснить, как это просто.

Поэтому недостаточно самому вести праведную жизнь, отказавшись от «мира» по примеру существовавших тогда монашеских орденов. Напротив, необходимо нести эти идеи в «мир».

Тут сразу две новаторские идеи: аскетизм (впрочем, и до него было подобное движение во Франции, возглавлявшееся Вальденсом) и проповедничество. Еще раньше я говорила, что мое отношение к Франциску двойственное. Что привлекает: принципиальный отказ от какого бы то ни было насилия, физического или духовного. Он не считал, подобно предшественникам и последователям, революционерам разных эпох и народов, что всеобщего счастья можно, даже неизбежно придется добиваться с оружием, пожертвовав частью населения для процветания большинства. Его единственным оружием был личный пример и проповедь. Осознавал ли он, что подобный животный образ жизни – тупик и материального, и духовного развития, конец прогресса? Может, и да, он ведь получил весьма приличное образование, только считал, что никакой прогресс не стоит человеческих страданий и жертв. Мог ли он предвидеть то, что его призыв будет интерпретирован как отказ не только от богатства, но от всякого труда (сам-то Франциск трудился постоянно над восстановлением древних церквей, что у меня лично вызывает особую симпатию, и на полевых работах, только деньги за это не брал, только еду)? И что соблазн легкой жизни, подобно птицам на ветке, без обязанностей и ответственности, вскоре погонит толпы людей бродяжничать, попрошайничать и грабить, т.е. в конечном итоге, жить за чужой счет? Наверное, не мог. А когда увидел, ибо это произошло еще при его жизни, ужаснулся и тогда уже – ушел «от мира», став отшельником. Ибо ничего больше придумать не мог, чтобы сделать жизнь счастливее для каждого. Так что он пережил два краха – сначала идеалов благополучия, затем - аскетизма. И от некуда деваться стал проповедовать птицам – а что еще оставалось? Это, по крайней мере, никому не причиняло вреда.

Все это я излагаю столь примитивно не с целью познакомить неученого читателя с основами францисканства, а исключительно для того, чтобы изложить мое собственное отношение к этой личности – светлой и трагической. И еще следует развеять один устойчивый миф – об основании Франциском ордена францисканцев – одного из самых богатых и могущественных, соперничающего с доминиканским в высоте и ширине создаваемых церковей. Да ничего подобного! Он пришел к папе Иннокентию III, чтобы утвердить устав – даже не устав, а так, наставления братьям-единомышленникам, т.к. понимал, что всякая самостоятельность будет расценена церковными властями как раскол и выжигаться огнем и мечом. Мудрый папа сразу понял, какая взрывная сила заложена в его идеях, и решил взять все под свой контроль – путем основания ордена, т.к. все ордена во главе с их основателями подчиняются Папе. Сам Франциск всегда избегал занимать руководящие посты в ордене, а под конец жизни ему даже не предлагали – орден развивался по папской схеме, накапливая богатство, власть и влияние. Поэтому он и поселился не в монастыре, носящем его имя, а во второй из виденных нами избушек вблизи Ассизи, где жил в начале своего служения. Наверно, нелегко ему было смотреть, как начатое им движение превращается в собственную противоположность, объект его борьбы. Впрочем, он не последний такое наблюдал... *В России, как водится издревле, со своей версией францисканства вопрос решили проще: когда лет через 300 после Франциска Ассизского у нас возникло нестяжательство, то после краткого периода политического их использования с ними расправились, применив «окончательное решение вопроса» - казнив или, в лучшем случае, разослав по монастырям, которыми правили их противники-иосифляне.*

Но вернемся к Санта-Кларе. Она, а также открывающаяся долина, была залита утренним светом:

а замок над городом имел такой открыточно-рекламный вид, который нет смысла показывать. И вот мы идем через весь город к Сан-Франциско. При свете солнца

вчерашний настроение сильно поправилось, очарование Старого города все вытеснило. Обратите внимание, под каким невероятным углом друг к другу возвышаются стены стоящих рядом домов. Глядя на них, чувствуешь – это подлинная старина, не декорация:

По дороге заглядывали, разумеется, в бесчисленные лавочки с местными сувенирами.

Ассизи славится своей индивидуальной вышивкой, которая меня, однако, не потрясла, но керамика здесь несравненно интереснее, чем в предыдущих местах. Одну авторскую тарелку нефольклорного характера мы даже купили на память, а также подарки детям: нашему великовозрастному сыночку – действующую модель арбалета, а играющей в хозяйство дочери – кучу пряных смесей для спагетти.

И вот перед нами – легендарный Сан-Франциско, первый готический храм в Италии, еще больше, чем архитектурой, знаменитый своей живописью, многократно воспетый и описанный. Улицы привели нас вместе с всадником в рыцарских доспехах, изображающего Франциска, на зеленую лужайку, в конце которой высится храм:

Эта современная скульптура хороша сама по себе, т.к. отчетливо передает состояние души рыцаря, склонившегося перед Богом, но совершенно не соответствует исторической правде: во времена Франциска здесь было место казней, называемое Адским холмом. Поскольку Франциск завещал похоронить себя именно здесь, то на следующий день после его канонизации, которая произошла через 2 года после смерти – в 1228 г., был заложен храм, нижняя часть которого была готова уже через два года, и тогда же произошло перезахоронение, в 1239 построена колокольня, а верхняя церковь была освящена в 1253 г. – рекордные сроки для такого строительства! Естественно, холм получил название Райского.

Место храма выбрано изумительное: сзади - край обрыва, спереди – обширная лужайка, так что храм виден целиком. Оно похоже на Поле Чудес в Пизе, но еще более эффектно из-за того, что храм парит над местностью и, как мы уже убедились, виден издалека на подъезде к городу.

Как вы уже поняли, храм состоит из двух церквей: Нижней и Верхней. С лужайки виден именно Верхний, а к Нижнему ведут различные спуски:

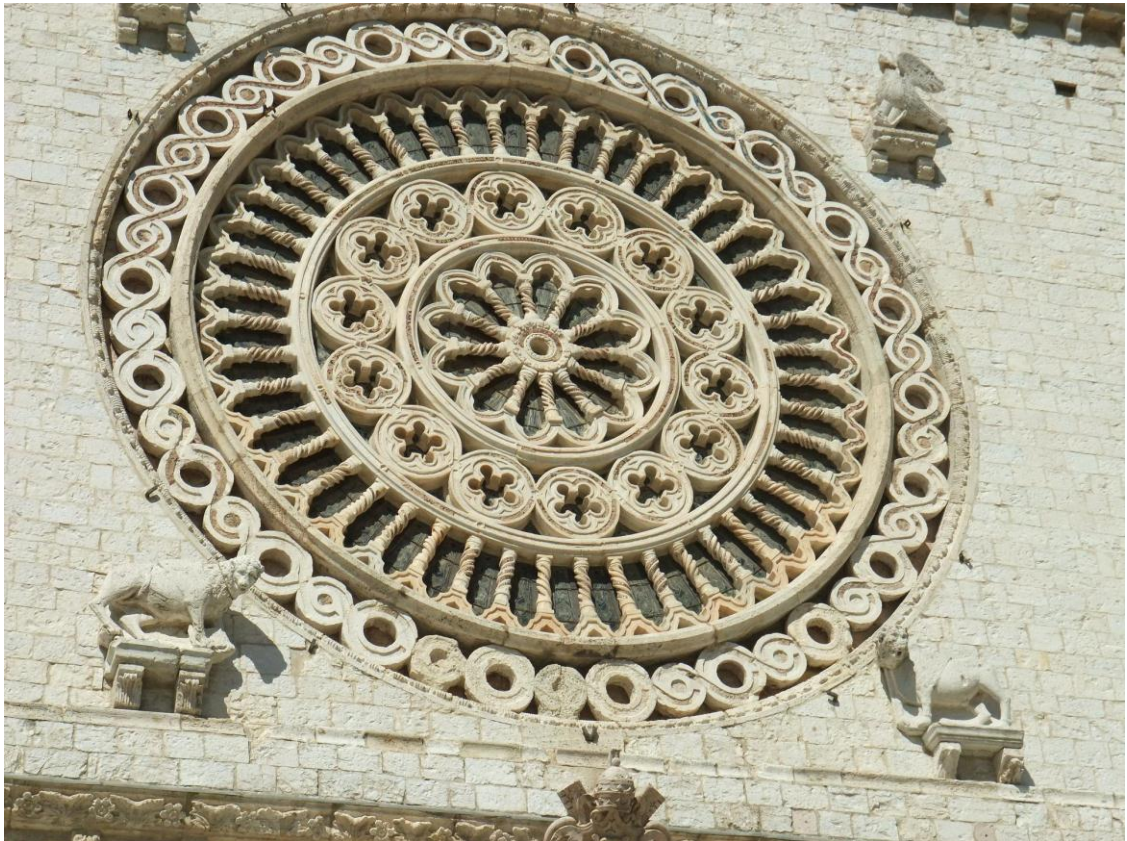

Для такой необычной структуры есть три объяснения: 1) нижняя часть – расширенная до величины целой церкви крипта для захоронения столь важного святого (несмотря на его отвращение ко всякой роскоши), 2) Папа расценивал храм как папскую капеллу, имеющую по традиции двухэтажную структуру; 3) образцом послужили готические капеллы, в частности, Сен-Шапель. Он действительно сочетает с обычными в Италии романскими некоторые готические формы, хотя с королевской капеллой Сен-Шапель в Париже, на мой взгляд, не имеет ничего общего. Во всяком случае, его фасад, если не считать готической формы портала, демонстрирует именно Ассизский романский стиль:

Вход в Нижнюю церковь обрамлен портиком эпохи Возрождения, который никак не сочетается с готическим порталом и выглядит, как ненужная нашлепка:

Зато сам портал хорош необыкновенно:

Обе церкви однефные, с трансептом и апсидой. Нижняя – с низкими крестовыми расписанными сводами, затемненная, как все романские церкви, но по бокам нефа имеет ряд капелл (пристроенных, правда, позже – в конце 13 в.) со знаменитыми живописными шедеврами. Среди авторов, расписавших капеллы, алтарную часть и трансепт, – Джотто, Чимабуэ, Пьетро Лоренцетти, Симоне Мартини. Когда мы вошли, шла служба, и было не протолкнуться, что не располагает к сосредоточенному созерцанию, а по окончании, когда толпа поредела, я сделала несколько контрабандных кадров:

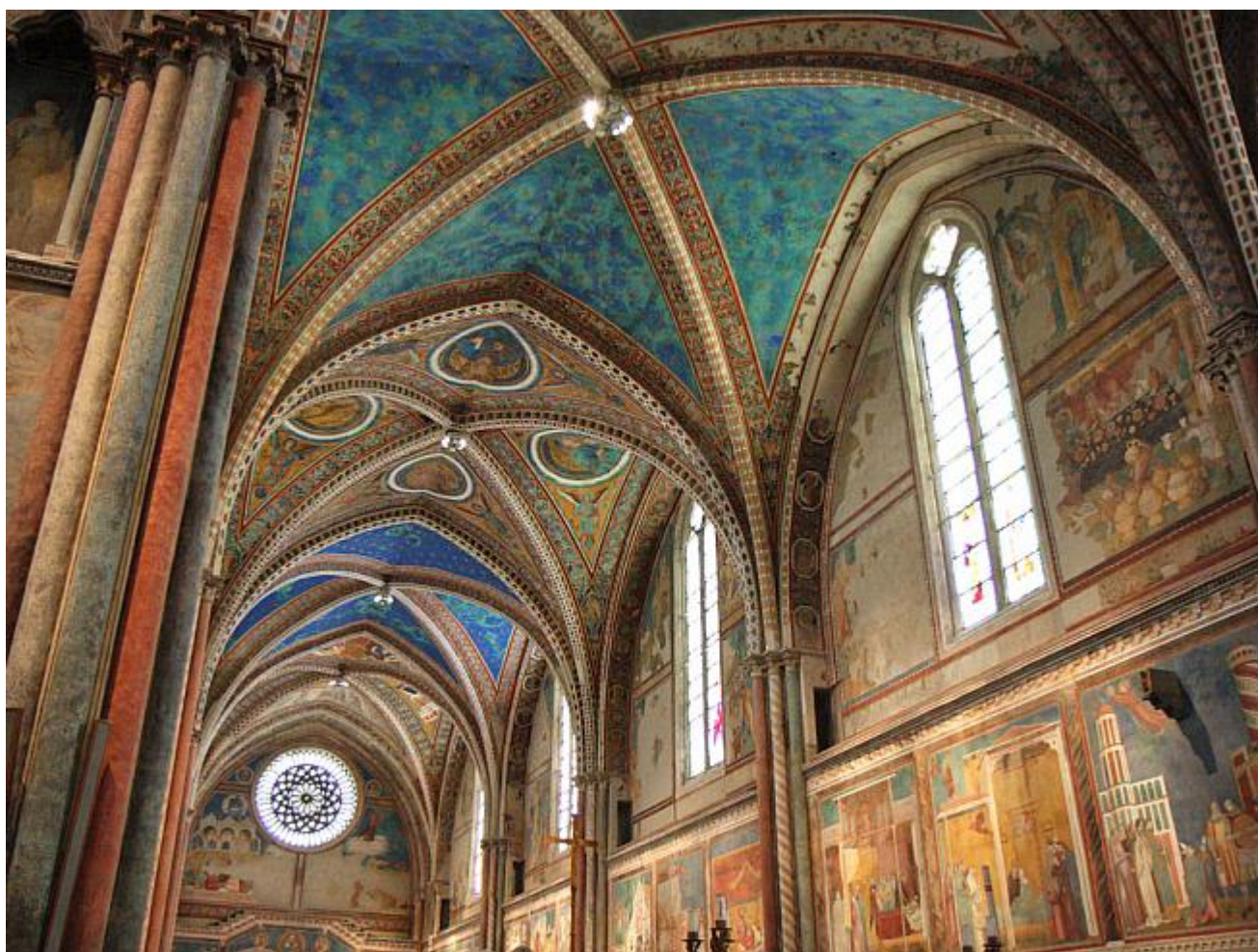

Протолкнувшись в капеллу св. Мартина, посмотрели фрески Симоне Мартини, описывающие его жизнь, в чем-то перекликающуюся с судьбой Франциска (они прекрасно описаны П. Вайлем). Самое святое место храма – крипта, в которой находятся захоронения Франциска и его сподвижников, - наименее интересно с художественной стороны, т.к. создано в 19 и переделано в 20 в. (ранее могила Франциска находилась под главным алтарем, но никто этого уже не помнил, так что в 1819 г., когда на нее при строительных работах случайно наткнулись, все это было объявлено «счастливым обретением»).

Верхняя церковь как раз и есть образец нового готического стиля. Огромная высота, крестовые нервюрные своды, богато украшенные орнаментом, опираются на столбы, сливающиеся со стенами, но окруженные пучками колонок, поддерживающих нервюры. Стены поделены на два яруса, нижний из которых разделен на поля, покрытые живописью, а верхний несет высокие готические окна, так что все пространство залито светом наподобие древнехристианских базилик. Витражи в окнах выполнены во второй половине 13 в. не только «мастерами Сан-Франциско», но и из Германии и Франции.

Но самая главная ценность – живопись 13 – 14 вв., выполненная Чимабуэ, Джотто с их учениками, несколькими менее известными и

неизвестными мастерами, в том числе «из-за гор» (иностранцами), работавшими в строгом готическом стиле. Джотто и его школе принадлежат 28 фресок нижнего яруса, изображающих жития Франциска, созданных за два года между 1290 и 1295 гг. Естественно, такой масштаб росписей и сроки потребовали участия большого коллектива. Ему же принадлежат две фрески верхнего яруса, считавшиеся раньше работами то ли мастера Исаака, то ли Арнольфи ди Камбио. Все это – работы молодого мастера (1267 – 1337). А вот в Нижней церкви Джотто работал гораздо позже - в 1315 – 1320 гг., т.е. будучи уже зрелым мастером, после капеллы Скравеньи, являющейся вершиной его творчества. (На авторство Джотто в отношении некоторых фресок Нижней церкви впервые указал еще Вазари). Однако спокойно рассмотреть оба цикла, чтобы понять, заметим ли мы разницу в манере и стиле, оказалось невозможно: сплошной поток посетителей нес нас мимо, как в мавзолее Ленина, не давая остановиться. К тому же бесчисленные охранники подгоняли – церковь освобождали для очередной воскресной службы. Скажу сразу – мы вернулись сюда вечером, примерно за час до закрытия, что советую всем желающим, т.к. в это время было гораздо свободнее и тише (я настояла, хотя Юрка не хотел, но поплелся со мной из солидарности), и рассмотрели все не спеша. Однако такого ощущения чуда, которое мы испытали в прошлом году в Падуе, почему-то не случилось... может, как раз потому, что мы уже были знакомы с вершиной Джоттовской живописи. А может, потому, что общее впечатление от храма – высоченного и нарядного, богато украшенного, как будто в насмешку, находилось в прямом противоречии с содержанием учения Франциска и одновременно с содержанием картин, изображающих его аскетическую жизнь в крошечной избушке. Если б мы ее не увидели воочию, может быть, и не заметили того диссонанса, который, как мне кажется, испортил все впечатление от прекрасной живописи...

А днем, убравшись из Верхней церкви, через вот этот ренессансный монастырский двор,

вошли в музей-сокровищницу, где, кроме разных церковных принадлежностей ювелирной работы, собрана ценная коллекция тосканских картин, подаренная Перкинсом. Но больше всего запомнился вот этот пронзительный «Лик предвечного отца» одного из римских художников, расписывавших Верхнюю церковь — Якопо Торрити.